

Дом отсидевшего человека узнается сразу по наплевательскому отношению хозяина к быту и очень серьезно — ко всяческому регалиям. Как будто подсудимый до конца жизни говорит свое последнее слово: меня оговорили, а я не такой, смотрите, чего я добился! Такова квартира автора десяти романов о Бешеном, киносценариста и режиссера Виктора Доценко. Над кроватью — дворняжская грамота, где он жалуется княжеским званием, за стеклами книжных полок — фотографии: с Черномырдиным и с Жириновским, с экс-министром Куликовым и с Джуной в генеральской форме. А чаще — с юной женщиной, которая сама неслышно входит в комнату, и князь Доценко ее представляет: «Познакомьтесь с моей женой... А то если не сказать, что жена, все говорят: «Какая у вас дочка симпатичная и как похожа!».

К «Вечерке» он относится с большой симпатией и разговор начинается с этого.

— Когда-то у вас была напечатана моя статья, которую признали лучшим материалом месяца. В то время я был женат на падчерице генерала Михаила Петровича Еремина, который охранял Ленина, а когда в 50-х годах ушел в отставку, стал заниматься расшифровкой ленинских фотографий — кто рядом с вождем снят. Я сначала познакомился с будущим тестем и снял о нем документальный фильм «Рядом с Лениным». Одна из расшифрованных им фотографий легла в основу материала в «Вечерке».

— А как получилось, что вы от таких правоверных тем дошли до криминальных романов?

— Работая на «Ленфильме», я написал первую свою киноповесть, «День, прожитый завтра». Это был 74-й год, и тогда я предсказал разгон коммунистической партии. Повесть я дал прочитать главному редактору «Ленфильма» Дмитрию Молдавскому, а он, наверное, чтобы прикрыться, на всякий случай показал ее кому-то из тех, кто был связан с КГБ. Ко мне пришли трое, приковали меня наручниками к батарее, по бокам немощно постучали, переворачивали квартиру, забрали все записи. С тех пор я чувствовал опеку КГБ...

В самом начале афганской войны погибли несколько моих друзей. Когда пришел первый гроб, мне сказали: «Вскрывать нельзя, там не на что смотреть, просто мясо». Про второй — то же самое. А когда и третий запретили вскрывать, я стал биться, обращаясь к тем, кто за мной следил, и один согласился на встречу. Посидели за рюмкой, и он говорит: «Да нет там никого. Гробы привезли, но не для тебя!».

— **Контрабанда?**

— И я так считаю... После этого я стал встречаться с «афганцами», потом с уголовниками, потому что там все пересекалось. Такое кино никто не позволит снять, и я делал литературные наброски для себя. Не хватало зрительского материала, потому что я как режиссер сначала как бы снимаю воображаемое кино, а потом уже могу писать. Тогда правдами и неправдами через тех же самых кагебэшников, которые не все подонки, я поехал в Афганистан, причем под чужой фамилией.

— А как же вас через границу пустили?

— Они все мне устроили. В КГБ ко мне было сложное отношение.

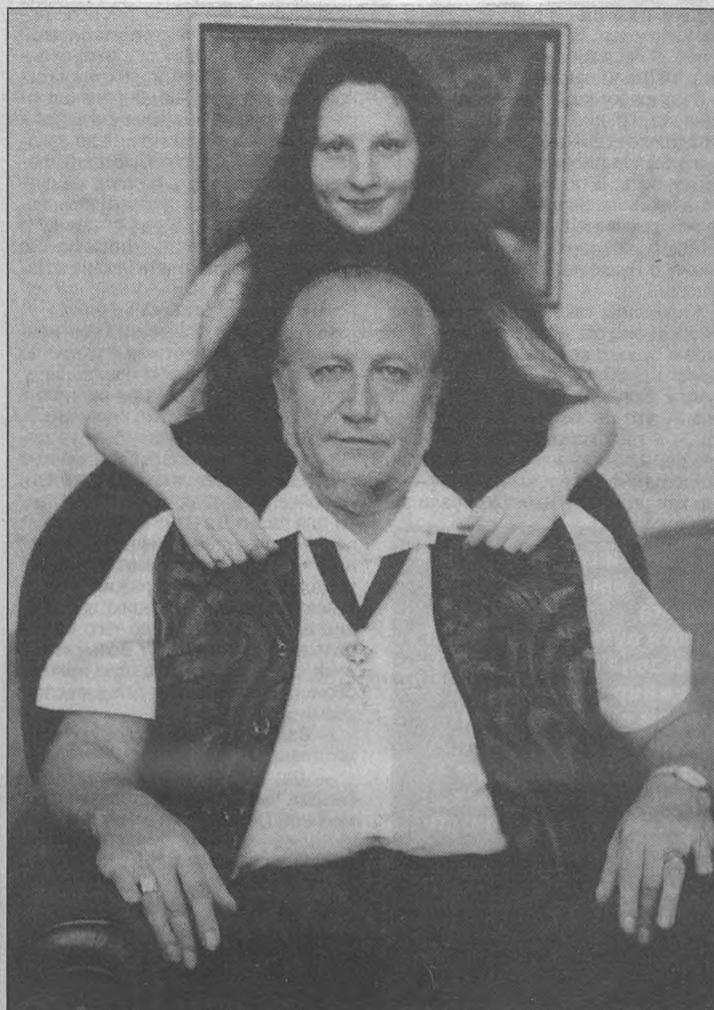

Фото Владимира ПЕРСИАНОВА

Век. Москва. — 1998. — В авг. с. 12
Виктор Доценко:

Кто меня пас, тот меня и спас

Все-таки мой тесть Михаил Петрович был генералом. Один из его друзей-чекистов, такой же старичок, рассказал мне, как во время войны Ленина эвакуировали из Мавзолея. Я написал об этом, но ни одна газета не брала мою статью. В то время Андропов стал председателем КГБ, и вот через своих старичков я выхожу на него. Двадцать восемь минут меня Юрий Владимирович не отпускал из кабинета — ему было интересно, статья понравилась. А напоследок сказал: «Это несвоевременно. Работайте». Слежка за мной сохранилась, но ко мне стали относиться спокойнее и в некоторых вещах помогать. Вот я и сказал, что хочу написать книгу о доблестных наших войсках в Афганистане, о спецназе, и намекнул, что Юрий Владимирович заинтересован в этой книге...

— **Проверить ваши слова у Андропова, конечно, не стали...**

— ...Так я попал в Афганистан. Ехал на полгода, а на двадцать третий день меня подстрелили. Причем те, кто меня пас, те меня и спасли. Полковник там был, инструктор — все знали, что он кагебэшник. Мне шепнули, что он летит на очень интересное задание, и я напросился к нему. Над Кандагаром нас обстреляли, пилот был убит, и меня — в живот, наверное, рикошетом, потому что если бы напрямую, прошило бы насквозь. С трудом сажаются вертолет, слышу через потухающее сознание, как полковник вызывает за собой другую «вертушку»... Потом запомнилось, как он, уже садясь в вертолет, говорит: «Посмотрите, этот, кажется, еще жив». Не скажи он эту фразу, там и оставили бы. Я потерял много крови, кишки вылезли, печень, слава Богу, не задело. Впе-

чатлений тех дней мне до сих пор хватает. И я начал всерьез писать свой роман. Был он готов в конце 82-го года, главным консультантом стал зам. министра МВД СССР Петр Александрович Олейник.

— **МВД?**

— Именно, потому что эта история пересекалась с криминальными делами. Прочитав рукопись, он сказал, что готов меня поддержать и отдал ее на спецрецензирование в политуправление МВД. Через несколько дней меня вызывает генерал Зозулин, начальник политуправления, и говорит, что книга талантливая, они готовы ее издать для служебного пользования. Я сделал глуповатый вид и сокрушаюсь: неужели, мол, широкий читатель не увидит? Мне, говорю, надо посоветоваться со своим консультантом. Но именно в эти дни у Петра Александровича в автомобильной катастрофе погибает жена. Я все же дозвонился, и помощница пообещала, что в четверг он меня примет. А в среду раздается звонок: «Виктор Николаевич, вы будете дома? Мы сейчас подъедем». Я был уверен, что это по поводу другой вещи — повести «Осторожно, мошенник», которую консультировал начальник моего отделения милиции. Приезжают двое в штатском и участковый, и все повторяется, как в Питере. Мне по бокам, опять к батарее, начинают обыск... Собрали в мешок все рукописи, а в конце, смотря, взяла простыню с кровати и мои трусы... А утром ко мне заходила молодая, лет тридцати пяти женщина — сказала, что пришла к соседям, а их нет, попросилась позвонить. Потом уже я вспоминаю ее ничего не значащие фразы по телефону и любопытный, знакомящийся взгляд. Она

запомнила обстановку... И меня забрали за ее изнасилование. Следователь прокуратуры на один вопрос об этом задавал десять, связанных с рукописями, и в конце концов предложил: пишешь сейчас заявление, что хочешь сотрудничать с КГБ и уходишь. Когда он понял, что со мной это бесполезно, каждый допрос стал заканчиваться тем, что два-три амбала входили и начинали меня бить. Били по голове. Я потерял память, у меня отнялась речь. Несмотря на мои протесты, у меня взяли спинномозговую пункцию и не совсем удачно, потому что я сопротивлялся, и у меня отнялись левая нога и правая рука. Потом был Институт Сербского — лежал там около месяца. Речь не возвращалась, и на суде я был немой. Прокурор запросил пять лет, судья дала шесть... Впрочем, я вышел на год и девять дней раньше. Одно из моих лагерных посланий попало к Борису Васильеву, моему литературному наставнику, который в то время уже стал депутатом Верховного Совета. По его депутатскому запросу меня реабилитировали.

— **А как относились к вам зеки — с такой-то статьей?**

— Если бы я сел по 117-й на несколько лет раньше, то, думаю, со мной обошлись бы еще жестче. Но тогда, в 83-м году, в лагере опускали тех, кто насиловал детей, а о тех, кто сел за женщину, говорили: либо дурак, либо подставили. С этим ко мне особо не приставали. Но, во-первых, я москвич, во-вторых, интеллигент. Нигде москвичей не любят — «Москвач, вы там б... на троллейбусе имеете, а мы слаще морковки ничего не видели». Очень сильно давили блатные: стоишь — тебя пнут и так далее.

— **А вы «помилочки» сокамерникам не писали?**

— Сейчас расскажу. В конце

пор я не могу сесть за книгу об этом, потому что как только начну вспоминать, меня потряхивает.

— **Виктор Николаевич, а зверские сцены насилия чеченских боевиков, например в последнем романе «Приговор Бешеного», выдуманы или...**

— Один из высокопоставленных милицейских чиновников — не скажу, кто, — дал мне кассету, которую снимали сами чеченские боевики. Там и учительница, изнасилованная на глазах детей, и эта дагестанская семья, описанная в «Приговоре...». Немножко я приукрасил — все было еще страшнее... Пушкин в свое время описал чеченцев, и ничего с тех пор не изменилось: грабеж, отрезание носов, заложники и выкуп. Мы, русские, все время наступаем на одни и те же грабли. Говорят, что Грачев проиграл войну — да ничего подобного, ему просто не давали действовать. Я с ним много раз разговаривал на эту тему... Единственная его ошибка в том, что он согласился стать министром. Он не политик, он солдат изначально, причем прекрасный солдат.

— **Раз у нас ужин, давайте вспомним ваши пищевые взлеты и падения. Падения — наверное, в лагере?**

— Раньше, в Бутырке. Когда мои жалобы не принимали, я объявил голодовку, требуя, чтобы пришел прокурор, и держал ее 22 дня, плюс 4 дня сухой голодовки. А взлет — на моей последней свадьбе, с Наталкой, в ресторане «Нью-Васюки». А еще я подгадал как раз перед тюрьмой попасть на пиршество в Кремлевском Дворце съездов, когда закрывался кинофестиваль.

Звонит телефон, и после долгих переговоров (я тактично отключаясь) князь Доценко сообщает:

— Это Андрей Ростовский (один из героев «Приговора...» — Е. Н.).

который держал нашу зону. Прихожу. У всех трехэтажные шконки, а у него одноэтажная, вокруг стоят теплохранители. Не глядя на меня, он говорит: «Режиссер, мне сказали, что ты хотел со мной встретиться. Я слушаю». Ну, я сказал, что уже два года на зоне, ни в чем не заманзан, наоборот, борюсь за мужиков, пишу «каساتки», многим уже помог скостить срок. То есть против ментов борюсь за мужиков, а мужики — это же кормильцы воров. А твои, говорю, приближенные меня шпыняют. Это что, значит, твои на ментов работают? Представляешь, в чем я его обвинил? И вот он первый раз поднял на меня глаза. Я понял, что если бы не было свидетелей, его быки меня там сразу бы зашили. А вор в законе — высшая инстанция криминального мира на зоне, которая должна справедливо решать все дела. Он это быстро прокрутил, не отрывая от меня взгляда, и спрашивает: «Кто?». Я называю фамилию. Он помотал своей гривой, шерстки тут же выскочили, притащили того, кто был самый зловерный. Следующий вопрос: «Е... будешь?». Я говорю, извини, но я свой член не на помойке нашел. Он мотнул головой, и моего врага стали так избивать, что мне его стало жалко. Потом он скончался в санчасти... А я дошел до своего барака, и за то время мою постель перекинули с третьего яруса на нижний.

— **Большое повышение!**

— Да. А на следующий день мне вручили грив от вора: мелюстиновую спецовку, меховую шапку — не то, что зековская из заманителей, кожаные перчатки с белым мехом и шарфик. И после этого мне нормально жилось, пока меня не кинули в другую зону, в тайгу... До сих

Он реальное лицо, мой брат не по рождению, а кровник, мы кровью обменялись.

— **А как он относится к своему появлению в книге?**

— Я получил от него согласие. Естественно, он смотрел, что можно, а что нельзя публиковать. Он авторитет — не вор в законе. Возглавляет охранную систему: защищает людей от рэкета, исполняет то, с чем не справляется милиция. Такой Робин Гуд наших дней: в меру справедлив, в меру жесток, не выступает против бедных... Точно так же реальное лицо — Олег Вишневецкий, глава ассоциации ветеранов Афганистана «Герат», погибший в прошлом году. Мою версию его убийства многие поддерживают. Кстати, совсем недавно мы были на его могиле — он похоронен на Троекуровском, где и генерал Рохлин.

— **То есть вы относитесь к тем авторам, которые складывают сюжет из реальных кубиков?**

— Из жизни у меня взято меньше, чем из головы. Тем не менее, скажем, когда в передаче «Иванов, Петров, Сидоров» появился бомж, у него в кармане была моя книжка «Срок для Бешеного», купленная в складчину, на троих. Его спрашивают, почему он читает Доценко, а бомж: «Он правду пишет».

— **Ваш герой Савелий Говоров читает мысли, общается со своим учителем через астрал...**

— Я убежден, что каждый человек обладает этими возможностями изначально. Со временем люди их вернут и разовьют.

— **Назовите писателей, в ряд которых вам хотелось бы поставить свое имя.**

— Сименон и Конан Дойл. С Эдгаром По мне тоже было бы приятно.